

Порфирий Иванов и секта "ивановцев"

*Эта писанина пишется Мной для того,
чтобы люди наши ея как таковую читали,
ей верили и старались сами себя таким сделать.*

Порфирий Иванов

1. "унего мысел не такая как унас свами"

В России и странах СНГ процветает и всюду действует движение "ивановцев", сложившееся вокруг Порфирия Корнеевича Иванова и его учения, о котором и пойдет речь в этой главе. В Москве ивановцы собираются по воскресеньям, в частности, в парке Выхино в домике для моржей, который руководство парка предоставляет в их пользование. О своей приверженности к ивановству заявляет жена президента Казахстана Назарбаева [1], о нем же по всем телеканалам рассказывал предприниматель Владимир Довгань — президент названной его именем компании.

Ивановство прежде всего известно как система закаливания — обливания холодной водой — и здорового образа жизни. Но закаливание и обливание придумал не Иванов — о пользе этих процедур для здоровья знали еще, наверное, в каменном веке. Поэтому, рекомендуя обливаться, Иванов не открывает ровно ничего нового. А вот о подлинном лице ивановства, о его религиозной, сектантской сущности люди, как правило, не подозревают. Но на самом деле "закаливание по Иванову" является лишь внешним выражением вполне законченной системы веры, основанной на писаниях самого Иванова и разработанной "открывшими" его московскими и питерскими техническими интеллигентами (как правило, прошедшими уже начальную обработку в тех же рериховских, уфологических и прочих оккультных кружках). В тоске по посконной народной мудрости они припали к этому источнику, из которого стали черпать. И начерпались. Из этих интеллигентов и состоит внутренний весьма жесткий круг ивановцев, фанатично следующий наставлениям "Учителя". Внутренний круг глубоко законспирирован, и мы о нем почти ничего не знаем. Но, во всяком случае, по отношению к христианству настроен он чрезвычайно воинственно и враждебно. Согласно ивановцам, христианство — это "мелочное учение смерти и могилы... мертвецом пришедшее на Русь, которое необходимо преодолевать и изживать" [2].

Иванов оставил после себя более 300 рукописных тетрадей, которые распространяются в основном ксерокопированием. Некоторые из них были изданы типографским способом. Понять в них что-либо очень сложно: так как Иванов полностью обожествлен, его последователи сохраняют орфографию, пунктуацию и стилистику своего учителя, особенность которых — полное отсутствие какой-либо орфографии, пунктуации и стилистики. Мысли у автора мешаются, одна бредовая теория следует за другой, зачастую полностью опровергая друг друга. Вот, например, начальные строки дневника Иванова, которым открывается одна из изданных его последователями книг:

1967 года 2 апреля 12 часов ночи праходят 1-го числа уремя Я начинаю переходит за закалку описоват постараюс к 50 лет октябрю молодежи представит за свою работу за свое учение какую я получил в этом сам ползу и другом человеку что это даст впоследствии по моему излогу по Ивановому выводу мы должны за это дело узятся все общими силами и может быт мы не это раскроем уприроде чего нам нашел Иванов унего мысел не такая как унас свами воюем сприродою и хочем ей своими индивидуальными силами доказат Иванов говорит наша болшая у этом деле ошибка не надо нам любит одну сторону надо любит обеи стороны [3].

Как справедливо заметил диакон Андрей Кураев: "Что ж, действительно, "мысел унего не такая как унас свами". Но зачем же психически больного человека выдавать за "Учителя"?!" [4] Нужно сказать, что с нравственной точки зрения тяжело дискутировать с писаниями Иванова: разве можно иронизировать над тяжело больным человеком? По-хорошему место тетрадей Порфирия Корнеевича в архиве больницы имени Кашенко или Института Сербского, чтобы по ним учились будущие психиатры.

Материал взят с сайта Екатеринбургского храма в Балашихе

Но ивановство своими обещаниями здоровья и счастья привлекает к себе множество людей, и ради этих соблазняемых душ необходимо объяснить, что следование учению Иванова, представляемому как система закаливания, может привести к самым тяжелым последствиям, причем не только к психическим болезням, но и к одержимости и, в конечном итоге, — к гибели души. Именно поэтому в этой главе так много цитат — я даю возможность Иванову самому говорить о себе и за себя, ибо то, как говорит Иванов, не менее важно, чем то, что он говорит.

2. “Учитель Иванов соединил историю Бога среди людей и бытие Человека в живой природе”

В 1991 г. стремительно “окультизивировавшийся” журнал “Наука и религия” (№ 2-3) опубликовал беседу с несколькими ивановцами. Вот выдержки из нее:

Кор.: Здесь... рядом с именем П. К. Иванова прозвучало слово Бог. В телевизионной передаче... одна из ее участниц назвала П. К. Иванова Богом. Говорят о нем как о Богочеловеке... Система стройная (? — А. Д.) и вызывает доверие (' — А. Д.). Но почему в ней появляется идея Бога?

А. Ю. Бронников, военный инженер (Москва): Во все времена люди чувствовали, что существует некое Высшее Начало жизни, которое поворачивает жизнь не так, как хотят люди, а так, как должно быть. И это высшее начало, назовем его также Эволюционным законом, люди обозначили словом “Бог”... И вот, когда эти абсолютные качества, высокие понятия воплощаются в одном человеке максимально, и это видно всем, люди говорят, что Бог пришел на Землю. Так было 2000 лет назад, когда на Земле родился Иисус Христос. Обстановка ныне на Земле изменилась, эволюционный момент другой, и нам мало того закона, который нес в своем учении Иисус Христос. <...>

В. Н. Козицкий, инженер (НИИ радиотехнической аппаратуры, Москва): <...> Богочеловек — это гармония сил и озарения плюс абсолютная богонравственность, готовность взять на себя все грехи мира. <...>

Кор.: Православное духовенство, насколько нам известно, пока (?! — А. Д.) с недоверием относится к тому поклонению и почитанию, которым окружают люди Иванова. Тем более, вряд ли одобряется признание в нем Бога, пришедшего на Землю...

Г. Ю. Франко, кандидат филологических наук (Академия педагогических наук СССР, г. Москва): ...Нравственные ценности Учителя Иванова — не что иное, как этические идеалы христианства, среди которых главные — жертвенная любовь, смирение, кротость, покаяние.

Н. М. Быкова, детский врач (Москва):...Победитель природы — это победитель всех суровых, стихийных качеств Природы. “Я победил злого врага в природе”. Враг для Учителя — это стихийные силы Природы, которые вызывают болезни и страдания человека. Это холод, голод, то “плохое и холодное”, от которого мы простужаемся и болеем. Учитель переболел всеми болезнями человечества и победил их а себе с помощью трех живых тел: воздуха, воды и земли. Он победил все эти стихийные силы и только потом повел народ за собой.

Как видно, последователи Иванова худо-бедно слепили из бредово-болезненного потока сознания своего обожествленного “Учителя” некую законченную систему, которую можно охарактеризовать как постсоветскую, неязыческую и весьма эклектичную. Во всяком случае, когда мы говорим об “ивановстве”, мы имеем в виду именно это; другого, “несектантского” ивановства, нет:

Этой книгой мы начинаем издание рукописей Порфирия Корнеевича Иванова — Победителя Природы, Бога Земли. <...> Отец Бог завещал людям заповеди через своих пророков. Господь — Сын человеческий — открыл истину своего учения через апостолов и евангелистов. Учитель Иванов соединил историю Бога среди людей и бытие Человека в живой природе. Паршек [5] сам изложил историю своей жизни и расстался с прежними законами людей. И здесь же, в своих тетрадах, он описал найденную и проверенную практикой новую и небывалую идею бессмертия в природе. <...> Он вернул нам утраченный Рай... [6]

Для “внешних” же самое известное среди ивановских писаний — “Детка”: 12 правил, необходимых для сохранения здоровья — высшей ценности, согласно Порфирию Корнеевичу. На самом деле Иванов лишь подписал этот текст. “Детка” была составлена после появления в “Огоньке” (№ 8, 1982) статьи С. Власова об Иванове под названием “Эксперимент длиной в полвека”. В конце статьи приводился адрес “экспериментатора”, и множество людей немедленно воспользовалось им: Иванов стал получать свыше 70 писем в день. Тогда он попросил своего

главного теоретика И.Я. Хвощевского составить правила для занятий “закалкой-тренировкой” и отсылать их всем желающим. Так и появилась на свет “Детка”. Вот ее текст:

Мне скоро исполнится 85 лет. 50 из них я отдал практическому поиску путей здоровой жизни. Для этого я каждодневно испытываю на себе различные качества природы, особенно суровые стороны ее. Я полон желанием весь свой опыт передать нашей молодежи и всем советским людям. Это мой подарок им.

Если можно, прошу Вас написать мои советы в газете или журнале. Сердечное Вам спасибо. Иванов Порфирий Корнеевич. Ты полон желанием принести пользу всему советскому народу, строящему коммунизм. Для этого ты постарайся быть здоровым. Сердечная просьба к тебе, прими от меня несколько советов в дополнение к тому, что написано в “Огоньке” № 8, 1982 г., чтобы укрепить свое здоровье:

1. Два раза в день купайся в холодной природной воде, чтобы тебе было хорошо. Купайся в чем можешь: в озере, речке, ванной, принимай душ или обливайся. Это твои условия. Горячее купание заверши холодным.

2. Перед купанием или после него, а если возможно, то и совместно с ним, выйди на природу, встань босыми ногами на землю, а зимой на снег, хотя бы на 1-2 минуты. Вдохни через рот несколько раз воздух и мысленно пожелай себе и всем людям здоровья.

3. Не употребляй алкоголя и не кури.

4. Старайся хоть раз в неделю полностью обходиться без пищи и воды с пятницы 18-20 часов до воскресенья 12 часов. Это твои заслуги и покой. Если тебе трудно, то держи хотя бы сутки.

5. В 12 часов дня воскресенья выйди на природу босиком и несколько раз подыши и помысли, как написано выше. Это праздник твоего дела. После этого можешь кушать все, что тебе нравится.

6. Люби окружающую тебя природу. Не плюйся вокруг и не выплевывай из себя ничего. Привыкни к этому: это твое здоровье.

7. Здоровайся со всеми везде и всюду, особенно с людьми пожилого возраста. Хочешь иметь у себя здоровье — здоровайся со всеми.

8. Помогай людям чем можешь, особенно бедному, больному, обиженному, нуждающемуся. Делай это с радостью. Отзовись на его нужду душою и сердцем. Ты приобретешь в нем друга и поможешь делу МИРА!

9. Победи в себе жадность, лень, самодовольство, стяжательство, страх, лицемерие, гордость. Верь людям и люби их. Не говори о них несправедливо и не принимай близко к сердцу недобрых мнений о них.

10. Освободи свою голову от мыслей о болезнях, недомоганиях, смерти. Это твоя победа.

11. Мысль не отделяй от дела. Прочитал — хорошо, но самое главное — ДЕЛАЙ!

12. Рассказывай и передавай опыт этого дела, но не хвались и не возвышайся в этом. Будь скромн.

Я прошу, я умоляю всех людей: становись и занимай свое место в природе. Оно никем не занято и не покупается ни за какие деньги, а только собственными делами и трудом в природе себе на благо, чтобы тебе было легко.

Если тебе что неясно и неполно для тебя, то напиши мне. Я всегда готов передать свой опыт, чтобы дело твое было успешным. Желаю тебе счастья, здоровья хорошего.

Иванов Порфирий Корнеевич [7].

На первый взгляд “Детка” кажется вполне приемлемым нравственным кодексом с элементами здорового образа жизни. На самом же деле это типичный пример “эзотерического разрыва”. Обратим внимание на то, что в нем конкретные поведенческие советы — обливание, голодание — перемежаются с общими пожеланиями — “победи в себе жадность, лень, страх, гордость” и т. п. — без какого-либо указания, как же этого добиться. Как мы знаем из православной аскетики, да и просто из элементарного самонаблюдения, для победы над страстями, между делом перечисленными автором, требуются напряженные усилия в течение всей жизни. Далее в тексте стоит и вовсе непонятная мольба автора “становиться и занимать свое место в природе”. Все это в сочетании с приглашением обращаться к Иванову за дальнейшими разъяснениями указывает на то, что перед нами обыкновенная рекламная агитка, рассчитанная на то, чтобы заинтересовать потенциального адепта. В ней даже не говорится о том, что, согласно предлагаемой системе, обливание на природе должно сопровождаться воздыманием рук вверх и обращением к Иванову: “Учитель, дай мне силу, дай мне энергию!”, что очевидно превращает водную процедуру в религиозную практику. Но об этом адепты узнают несколько позже...

2. “По целым ночам я не спал и все думал, как попасть вожаком в историю, чтоб моим именем назвали будущее новое село”

Знакомясь с биографией Иванова и его писаниями, поражаешься, насколько этот персонаж напоминает героев Андрея Платонова. Более того, по сравнению с ними Иванов кажется гротеском, а они выглядят гораздо более жизненными, чем он. Видно, очень много душ покалечила революция, уничтожив веру в Бога и предложив светлое будущее взамен...

Кроме особо оговоренных случаев, биографические сведения об Иванове и цитаты из его писаний будут приводиться по составленной Н. А. Пичугиной двухтомной книге “История Паршека” (Самара, 1994). В этом издании тексты Иванова слегка отредактированы составителем, во всяком случае, хоть немного выправлена орфография и расставлены знаки препинания. Таким образом эти тексты сделались более удобочитаемыми. В цитатах будет сохранено правописание Пичугиной.

П.К. Иванов родился **20 февраля 1898 г.** в селе Ореховка близ города Луганска, на Украине. Скончался он в **1983 г.** на хуторе Верхний Кондрючий (он же Боги) в той же Луганской области, после тяжелой и мучительной болезни. Отец Порфирия был шахтером, мать растила восьмерых детей. Семья была бедной: однажды, когда мальчик спросил отца о своем наследстве, тот в шутку обещал ему близлежащий холмик Чувилкин бугор. [8] С тех пор Порфирий считал его своим достоянием и через много лет в созданной им религиозной системе провозгласил его самым святым местом на земле. Образования у Паршека было всего четыре класса церковно-приходской школы, затем пришлось пойти работать. Но трудиться ему не нравилось; он предпочитал воровать, играть в карты [9], гулять, драться, за что временами сживал в каталажке. В начале 1917 г. венчался, но тут грянула революция.

Советская власть пришлась Иванову по душе, и в его мировоззрении начал происходить перелом: оказалось, что Бога нет:

Дождался я своих пришла Красная армия. <...> Стал свирепствовать сыпной и брюшной тиф, где погибла уйма народа без всякой предосторожности. И меня подкосила эта болезнь. <...> Я бредил, выступал как оратор; в голове у меня все было новое, душой я был с большевиками. Уже мысли мои не такие к церкви как раньше: Бог мне будто бы не помогал, а мешал — не давал разум сохранить. <...> Я был очень плох, даже привели попа, чтобы исповедовать на загробную жизнь. А я выступил со своим ораторством, и мне стало легче: глаза мои прояснились и руки заворочались [10].

Выздоровев, Иванов стал советским активистом: “По целым ночам я не спал и все думал, как попасть вожаком в историю, чтоб моим именем назвали будущее новое село” [11]. Однако все это не мешало (а может, даже помогало) ему по-прежнему приворовывать. Вскоре он стал снабженцем, и воровство и распутная жизнь развернулись в еще более крупных масштабах. В 30 лет Иванов был принят в ВКП (б). Чтобы повысить свою грамотность, он записался в партшколу:

Наш преподаватель объяснял нам уроки на разные темы и касался жизни собственника-мужика: как он жил, как молился на разные иконы святых, а поп в то время говорил свою проповедь. Я до этого тоже такой же был, ходил в церковь, а теперь у меня под руками ремесло, и я хожу в школу, учусь. Жить меня учат по-новому: чтобы жизнь моя проходила культурно и весело и чтобы жить с какой-то целью и радостью. <...> Пожив в городе, я многому научился, был на стороне новой жизни, даже участвовал в закрытии церквей (! — А. Д.) [12].

Вскоре после этого новоиспеченный партиец и атеист был пойман на воровстве и осужден на два года. Впрочем, за примерное поведение, трудовые успехи и за доноительство на других заключенных [13] он был освобожден досрочно и сразу же вернулся к прежней веселой и разгульной жизни. Так Иванов беспечно дожил до 1933 года.

Когда мне исполнилось тридцать пять лет, то со мной повстречалась мысль (наконец! — А. Д.). Никогда она не была перед мною, а сейчас она процвела в моей голове. Иду я по Кавказу между горами по лесу между речки Белой. В это время получаю с высоты Природы такую в голову мысль: “А почему это так получается в людях? Они живут, они кушают сладкое, жирное, они одеваются в форму фасонную до самого тепла и в доме со всеми удобствами живут — а заболевают? Болеют и умирают. Это дело их нехорошее”. Так подумал я. <...> Это — ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕГО НАЧАЛА [14]”.

Иванов встретил человека, который все время, даже зимой, ходил без шапки. Он был глубоко поражен увиденным и, пораскинув мозгами, решил поступать так же, удалить со своей головы, с волос, вечно зависимую шапку. Я ее сбросил во время весенних начальных дней это было 25 апреля, когда в Природе развивалось на земле тепло. Это мое такое первое и смелое НАЧАЛО. <...> Я попал на правильный путь развития своей мысли. Я решил сделаться хозяином над эволюционным делом — не быть политическим в экономике человеком, а быть Победителем Природы. <...> Чтобы ВСЕ ЗНАЛИ КАК ЗА ИСТИННОГО ЧЕЛОВЕКА. Всея оставлял на пути, а сам уже имел намеренье просить Природу, чтобы она дала мне жизнь и учение. Меня люди знакомые спрашивали: “Куда ты идешь?” Я им отвечаю: “Да иду туда куда это не все идут” [15] Мое новое легкое начало эволюции жизни на Чувилкином бугре 25 апреля 1933 года [16].

В те годы Иванову часто приходилось ездить поездом. Во время одной из поездок с ним произошел следующий случай, который он твердо счел подтверждением со стороны “Природы” правильности своего пути. В вагоне ехала мать с ребенком, который сильно плакал, мешая всем спать:

Этого мальчика заставило плакать одно несчастье: он чем-то в природе был наказан. Я подошел к матери этого дитя, вежливо у нее спросил разрешения взять его на руки. А у самого зародилась мысль такая: если этот ребенок, которого я беру на руки, замолчит, значит мое НАМЕЧЕННОЕ В ЖИЗНИ должно совершиться. Значит, я иду правильно со своим намерением. <...> Мальчик этот у меня на руках замолчал, больше рта не раскрывал и не стал криком своим кричать. Иванов нашел в Природе подтверждение своей найденной в природе помощи [17].

Этот пустяковый случай Иванов возвел в ранг великого свершения и великого знака, данного ему Природой.

Только сейчас я увидел на этом мальчике, что мои руки стали строить все то, что требовалось для будущей жизни. Таких людей еще до меня не рождала Природа, чтобы он для этой цели родился [18].

Иванов стал усиленно заниматься, чтобы разобраться во впервые заворочавшихся у него в голове мыслях. Вот что он пишет о своих первоисточниках:

Я ничего не взял с потолка; читал Энгельса, Карла Маркса “Капитал”, о природе брал сочинения Ленина и, самое главное, коснулся нашей народной медицины. Слушал лекции о вреде табака и вина, особенно прочитал труд Украинского президента Богомольца о продолжении жизни, которую он считал 150 лет. Читал труд Саркизова (? — А.Д.) [19].

Так Иванов постепенно стал осознавать себя Учителем, Мудрецом и, в конечном итоге, Богом.

4. “Гитлер потерял надежду на завоевание он выдохся: у него от Моей мысли не было порядка в голове”

В течение нескольких лет Иванов разрабатывал свою религиозную систему. Она основывалась на осознанной им тщетности всех людских усилий улучшить свою жизнь. Люди в его окружении старались послаще поесть, побольше выпить, получше одеться, посвободнее поблудить, урвать от жизни все возможное, но потом все равно болели, старели и умирали. Поскольку жизнь на этой земле была для них абсолютной ценностью (вспомним опять героев Платонова), то и все мечты были о том, как бы пожить (а соответственно, поесть, попить, поблудить и т. д.) подольше. Иванов пришел к выводу, что жизнь укорачивается прежде всего из-за стараний людей получше в ней устроиться. Значит, нужно отказаться от всех хлопот по устройству жизни и жить независимо от “потребностей”, таких, как дом, одежда, еда и пр. Такая “независимость от природы” дарует человеку и свободу от болезней и даже от смерти: “Надо, чтобы не бояться оставаться к жаре и к холоду и голоду — человек никогда и нигде и никак не будет умирать” [20] Естественно, одно совершенно не следует из другого, но трудно требовать логических выводов от полуграмотного и беспринципного хапуги, в чьей голове лишь после 35 лет жизни впервые зашевелились тяжелые и неповоротливые мысли.

Тогда Иванов жил в Армавире. Он уже не удовлетворялся хождением без шапки: стал раздетым выходить на мороз и побольше “тянуть вовнутрь воздух”. Он все больше уверялся в своих особых способностях:

Иванов не собирается с этими силами так жить, как жили все наши люди, кому пришлось не жить, а умереть. Этого Иванов не получит от Природы. Он получит жизнь от Природы, а смерть прогонит от себя [21].

Тогда же он занялся исцелениями. Так стала складываться в общих чертах его оздоровительная система “Детка” (в виде советов желающим исцелиться) [22]. Характерно, что в предлагаемых им процедурах с самого начала присутствовала обращенная к нему просьба: “Учитель, дай мне здоровье”. Имеющийся в “Детке” совет помогать нуждающимся также имел вполне ясно выраженный религиозный (а точнее, магически-суеверный) смысл: “Найди нуждающегося человека, кто боится просить, но живет плохо, и дай ему денег 10 рублей, а сам перед этим скажи слова: “Я даю тебе эти деньги, чтобы у меня не было никакой болезни”” [23].

Чем дальше, тем больше Иванов занимался исцелениями, и те успехи, которые у него были, окончательно убедили его в верности открытой им идеи и в собственной избранности: “Таких людей еще не рождала Природа, чтобы он для этой цели родился” [24]; “Люди стонущие выпросили меня у Природы” [25]. Такая самооценка — классическое проявление мании величия — одного из признаков душевной болезни. По всей видимости, именно тогда у Иванова начались заметные для окружающих психические сдвиги.

Свои услуги Иванов расценивал как платные. По мере роста численности клиентов росло и благосостояние его семьи. “Абсолютно независимый от Природы человек” оказался вполне зависимым от различных житейских благ. Вот как Иванов пишет о приобретении им машины (уже в послевоенные годы):

Иванову Порфирию Корнеевичу — Победителю Природы, как исключительному человеку, сам начальник сбыта сказал: “Я тебе помогу приобрести за твою работу, за закалку-тренировку экспортную автомашину”. <...> Мне каждый человек стремился помочь, чтобы я взял “Волгу” не такую, как все тогда брали. <...> Хоть на две тысячи дороже, но это не “Победа”, а “Волга”. <...> Мне показали эту красавицу, она была бежевая и стояла в луже воды со спущенным колесом, и которой тут же сделали ремонт. Я как хозяин занял место сбоку от водителя и тут же сказал: это машина “Волга” моя, никуда я из нее не пойду. И не зря я за нее заплатил 42 000 рублей [26].

Еще до войны Иванов полностью отказался от одежды и стал зимой и летом ходить в одних черных “семейных” трусах до колена, которые он красиво именовал элегантным заграничным словом “шорты”. Он перестал бриться и стричься, и его громадные борода и шевелюра (впоследствии абсолютно седые) сделались его характерной приметой. Естественно, его, мягко говоря, неадекватность, а зачастую и агрессивность, бросалась людям в глаза. Несколько раз его направляли на лечение в психиатрические лечебницы. В ростовской больнице он получил диагноз “шизофрения” и первую группу инвалидности.

В 1936 г., когда было объявлено о проведении VIII чрезвычайного съезда Советов, Иванов направился в Москву, чтобы выступить с трибуны съезда. “Я только хотел свое практическое, найденное на себе, будущему поколению передать” [27]. Заросший, босой и раздетый Иванов добрался до Дома Советов и встал в очередь на регистрацию за делегацией Северного Кавказа, но немедленно был задержан ОГПУ и доставлен на Лубянку. По словам Иванова, его привели к самому Ежову, что, правда, вызывает большие сомнения. Иванов рассказывает, что не стал ему ничего отвечать до прибытия психиатра:

Ежов спросил: “Почему ты с нами не говорил?” Я ему говорю: “Вам нужно мое имя, отчество и фамилия, а я все это не признаю. Я Учитель народа, ему надо место и условие создать, чтобы остаться без всякой потребности. Это Природа меня прислала сюда в Москву, чтобы я об этом врачам Матросской тишины рассказал, чтобы они знали за мной такой приход на землю” [28]

В психбольницу “Матросская тишина” его и доставили и продержали там 67 дней. Иванов пишет: “Москва испугалась моих ножек так, как не пугалась в одно время Наполеона” [29], и поэтому его, дескать, решили отпустить домой. На Иванова, несмотря на его протесты, надели “пиджак с теплыми брюками и валенки да папаху” и отправили домой в сопровождении двух санитаров, но он продолжал чудить пуще прежнего...

Началась война. Отношение Иванова к Гитлеру было двойственным:

Гитлер взбесился со своею техникой, в этом Господа Бога прославлял. <...> Они фашисты, тоже люди-агрессоры Бога не знали, но крепко ему верили. <...> На безбожников верующие крепко в Бога сделали такое оружие, пустили в ход для того, чтобы своего врага уничтожить... [30]

Но ведь Богом Иванов считал самого себя и, следовательно:

Гитлер [вместе] с Богом воевал, а знать Его не знал, на кого он напал и кому он сделал горе. Паршек на стороне Самого Сталина, за партию большевиков, Он был ей болельщик. У Него тело такое за всех небывалое [31].

Впрочем, отношения с немецкими оккупационными властями у Иванова были самые мирные: они ставили на нем шуточные эксперименты, дивясь его способности ходить в трусах в самые жестокие морозы (закапывали в снег, катали по морозцу на мотоцикле и т. п.), но при этом ежедневно кормили его досыта кашей с мясом на кухне Днепропетровского отдела гестапо [32]. Иванов даже собрался ехать в Берлин, выпросив себе для этого немецкую военную шинель, но не доехал. Зато впоследствии он приписывал себе победу в Великой Отечественной войне, правда выражал эту мысль, как всегда, весьма путанно:

Я двадцать семь суток провел в Гестапо (то есть при кухне.— *А. Д.*), делал то, что надо для фронта. <...> Гитлера, Рибентропа и Геббельса Иванов знал как командиров-администраторов — взяв их головы, мозговую часть окружил, стал у них рыться своею мыслью. И Гитлер потерял надежду на завоевание — он выдохся: у него от Моей мысли не было порядка в голове (самокритично. — *А. Д.*). Природа ему помешала через просьбу, одну для всех, Иванова: это просил Сам Бог — Иванов [33]. Если бы я не имел в этом мозговых сил и ими не владел так как никогда, между немецкою армиею и Природою я был вояка со всем миром воевать. <...> Природа откликнулась на мою такую просьбу: она окружила немцев под Сталинградом, а под Москвой их разбили. Это ради Меня Природа помогла. Успеха Гитлер больше не имел враг остановился. <...> К ним на помощь пришли американцы и англичане. Война разгорелась. С упорными боями Гитлер отступал. Потсдамское соглашение это хуже призыва Керенского “до победа!” В Природе две идеи одна фашистская, Сталин возглавлял. А капиталисты помогали, боялись, чтобы на них эта идея не напала [34].

После отступления немцев и прихода Красной армии СМЕРШ не тронул инвалида за его дружбу с оккупантами, и в послевоенные годы Иванов зажил безбедно в своем доме на хуторе Верхний Кондрючий, переименованном им в “Боги”. Сбылась юношеская мечта Паршека: его именем называлось село! Иванов занимался целительством и на этом зарабатывал. Держал большое хозяйство: огород, корову, свиней. Резал свиней только сам [35]. Зачастую он писал себе, драгоценному, “дорогому Учителю”, длинные благодарственные письма от лица исцеленных им больных: “А все же этому всему, что сделал для нас Учитель — Ему спасибо от нас, таких больных как мы были. А теперь какие мы стали — сделались здоровые” [36].

Пытался “Учитель народа” Иванов повидаться с “народным вождем” Сталиным, доехал даже до Москвы, но его прямо с вокзала отправили в Институт имени Сербского. Старик обиделся и впоследствии писал о смерти Сталина: “Сталин в этом просчитался: его Природа убила за Иванова” [37]. Иногда Иванова подлечивали в спецпсихбольницах, всякий раз подтверждая диагноз “тяжелая шизофрения”. Он с этим, естественно, не соглашался и писал в своих дневниках: “Моя болезнь одна для всех сознательность, закалка-тренировка. То она сделала, чего всем страшно” [38]. Однако, судя по дневниковым записям Порфирия Иванова, диагноз врачей был вполне обоснован. Чего стоят, например, такие записи о пребывании в Казанской психбольнице:

Я недаром этот путь между людьми сознательно прошел не как больной психически, а я прошел по всем палатам анализатором и испытателем своего здоровья, кроме одной правой ноги. Она мое тело поделила пополам: одну ногу взяли социалисты-коммунисты, другую окружили капиталисты. У них у обоих есть какие-то недостатки, они бедные люди ничего не знают, а что с ними будет завтра? <...> Я принудительно, как дурачек, лежу в Гуковской готовлюсь не радоваться так этим праздником 50 лет Октября, как все им радовались. Я никому не скажу, что мне тепло и хорошо: на мне сияющая одежда (? — *А. Д.*), мне в этом плохо, что я один и холодно потому что я не одет. <...> Паршек Себя привел не к тому делу, из-за которого Он перенес очень тяжелые сдвиги на правой ноге. Она себя показывала так, как капиталисты. Я говорил вам, что Мои ноги служат двум сторонам в жизни: капиталистам и социалистам за их ошибку. У них больницы, у них тюрьмы. Они ими проводят тяжелую жизнь свою. Левая нога Моя социалистическая, а правая нога капиталистическая [39].

Болезнь Иванова выражалась и в нарушении причинно-следственных связей: “3 апреля, понедельник. Сутра пошел на Мою пользу мизерный дождик для того, чтобы Моя Идея прошла во всем мире” [40]. Есть в тетрадах Иванова и совсем уже лишённые всякого смысла места, то, что психиатры называют ученым термином “интерпретативный бред”, являющийся составной частью патологического состояния, определяемого как шизофреническая мания:

А в людях, в Природе понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье; иголка, шило, нож, топор, пила, молоток, рубанок, шприцы; корова, лошадка, овца, коза, верблюд; дроги, бричка, плуг, борона, лопатка, сковорода, ухват; курица, утка, гусыня, индюшка; грач,

ворона, сорока, воробей, скворец, соловей, щегол, синичка; вишни, сливы, груши, яблоки, терн и все. <...> Крест на хате показался, это видно кто. Лошадка копытом била, дождик сверху лил зная погода плохая. А вода в ванну налилась надо садиться купаться. А Марко коров поил. Атмосфера холодная. Нога моя менялась в боли, хотелось чтобы она не болела. Почты долго не было, хотелось почитать в этом деле есть какой-то секрет [41].

Или вот такие строки:

Мы вдвоем вышли с Вале́й (вторая жена Иванова. — А. Д.), походили; Я быстро побегал для Своего сердца. Я люблю снег, как Себя такого человека. Валя такая она ко мне близкая в этом, подобрала нож своей рукой и по Моему велению весь хутор людей вырезала. Даже она сказала в словах это. Но потом после этого всего она подробно остановилась и сказала свою в адрес Моего здоровья правду: “Этого мой Учитель не скажет, а я, такая баба не сделаю”. Эти слова Я их только обосновал и тут же на этой странице написал [42].

В 70-е годы психиатры, по всей видимости, убедившись в неизлечимости Иванова, наконец оставили его в покое. После смерти жены он стал жить со своей фанатичной последовательницей Валентиной Сухаревской. В конце 70-х к нему пришла широкая известность, от которой старик совсем потерял голову. Сформировавшееся тогда вокруг него ядро учеников возглавило движение ивановцев после противоречившей всем их установкам смерти “Учителя”.

Мы в Природе строим коммунизм: сперва одного человека допустим, а потом мы все вслед пойдем. Он же будет делать для всех: Он учитель народа, Он же — победитель Природы. А раз Он Победитель Природы — Он же — победитель врага. То, чего пишется в Истории, это будет обязательно так [43].

5. “Если заболит человек чем-нибудь в жизни не чем не спасешься, кроме как лишь Его [Иванова] учением. Кто Его не признает, тот спасения нигде не получит”

Мировоззрение Иванова сформировалось на основе его отказа от детской веры в Бога и восприятия им агитпроповских идей. Вступил в силу сформулированный еще Достоевским закон: “Если Бога нет, то я — Бог”. Но ноша эта оказалась непосильной для психики Иванова, поэтому его теории чем дальше, тем больше граничили с чистым безумием. С учебой в партшколе Бог для Иванова окончательно и бесповоротно умер. Сам он считал себя атеистом: “В Природе Бога такого нет, которого человек держит... Иванов учит не от Бога, а от себя личного здоровья, вот в чем суть Иванова” [44].

В упоминавшемся выше интервью в “Огоньке” (№ 8,1982) корреспондент спросил Иванова: “Говорят, вы в бога верите?” — “Брешут, — ответил Иванов. — Верил когда-то, пока не понял, что бог пребывает не на небе, а на земле в людях, кои сумели держать победу над собой”.

Но свято место пусто не бывает, и место Бога для Иванова заняли два начала. Одно из них — природа; обратим внимание на то, что слово *Природа* Паршек всегда пишется прописной буквы. Ученики Иванова пытаются придать наукообразность теориям своего “Учителя”:

Источник сил, творящий эволюцию в природе, будем называть Творцом, а источник сил, ведущий к деградации и разрушению в природе, будем называть Врагом. Именно эти понятия употребляются Учителем в его тетрадах, хотя более часто на место Творца ставится Природа, а на место Его Противоположника ставятся такие понятия, как “стихийные силы природы” и “враг в природе”. Это более точно, поскольку ничего надприродного, сверхприродного и внеприродного быть не может [45].

Однако если обратиться к тетрадам самого Иванова, то видно, что в его сознании “Природа” приобретает божественные черты наряду с другим божественным началом жизни — Человеком: “Бог это Природа, а в ней самое главное это человек” [46], “сильнее Природы нет ничего” [47], “Бог это человек. Он придет на землю для того, чтобы опознать Природу, как своего близкого друга, ему руку протянуть и с ним договориться, что больше мы вредного на земле, в воздухе, и в воде не будем делать” [48].

Человек — это прежде всего сам Иванов, “Бог земли”, а природа в его понимании персонифицируется, и общение с ней приобретает черты медиумических связей с духами:

В три часа без пятнадцати минут Меня, как такового, по плечу толкает. Это в жизни так бывает. Я вышел во двор... так уютно постоял, руки вверх поднял попросил Природу чтобы она дала Мне Мою такую жизнь. Чтобы Я учился опознавать Природу так, как ея надо любить, хранить; как свое такое живое энергичное надо людям показать, а от чужого отказаться [49].

Учитель Бог земли, Он с Природою разговаривает на Своем простом русском языке, она ему правду говорит, а неправду гонит. Она учит Паршека своим бессмертием. <...> Я у нее спросил: будет ли в мае дождик? Она говорит: “Нет”. А в июне будет дождик? Она сказала: “Нет”. А в июле? Она сказала: “Будет”. <...> Мне приходилось в Природе спросить за одного мальчика... его отец спросил Меня прежде времени: “А поступит ли мой сын в институт?” Я за него Природу побезпокоил: она Мне сказала: “Да”. Она мне помогает в этом. Если надо поехать она откроет эту дорогу, Я поеду; нет Я не поеду. Пишу Я историю, у нее спрашиваю: писать? Она говорит: “Да”. Я живу вместе с Природой, которая нам всем того, чего мы хотим, дает. <...> К нам приехали москвичи, муж с женой; их горе заставило опухоль живота. Я не убоялся спросить у Природы, она Мне сказала “принимай” [50].

Правда, гораздо чаще “Природа” бессовестно обманывала “Бога земли”. Так, помимо ложных метеорологических предсказаний, она несколько раз настойчиво поведала ему, что Брежнев умрет в 1980 г., а в 1983 г. начнется третья мировая война: Китай нападет на Индию, а СССР вступится за последнюю. Москва и Киев будут уничтожены, лишь хутор Верхний Кондрючий останется невредимым. В 1987 г. Калифорнию смоев в океан, а в 1989 году Мое состояние здоровья будет признано всеми. Сегодня вы меня не признаете а признаете в 1989 г., это точно говорит Природа. Я буду признан всеми людьми мира, а когда заговорят об этом люди всего мира, то тогда станет на арену для всех нас бессмертие. Это будет и обязательно будет! [51]

Однако в 1983 г. конец пришел лишь для самого Иванова. Никакое “состояние здоровья” не помогло ему избежать общей участи всех людей. Природа, согласно Иванову, бесконечна и безначальна:

По всей истории, если разобраться, то в Природе нету конца и нету у ней начала [52].

Это вполне согласуется с советскими материалистическими догмами. Но знакомясь далее с космогоническими выкладками Иванова, мы узнаем, например, что:

солнца как такового нету, есть в Природе сами люди. У них как было первое начальное самоволие, так оно и осталось: не любовь к Природе, а одно капризное дело. <...> Если бы солнышко было такое как мы с вами думаем — оно бы нас попало. .. Человек родил солнышко и в жизни ему стал верить как Богу — выше от себя [53].

И последняя цитата о мистических взаимоотношениях Иванова с “Природой”:

Встречался я с такой Природою. В степи на равнине передо мной лежали две изложенные дороги. А по одной мне приходилось идти в то место, куда это надо. А точно я не знал закружился. На мое это все осоздавшееся Природа откликнулась — как Богу человека подослала, которого я дождался, спросил у него как у земного человека. Он от меня мою вежливость услышал: я перед ним извинился, сказал: — скажите мне, пожалуйста, как прямее попасть на Синельниково? Он мне ответил и рукой показал: “Иди по этой дороге”. Я сказал ему спасибо, сам не прошел 10 метров, вспомнил, обернулся посмотреть, а этого человека не оказалось. Как вы думаете: кто это был за человек? — Природа. Это Природа мне помогла, она мне дорогу показала. Я с нею повстречался и теперь иду по ней [54].

Из сказанного очевидно, что сам Иванов считал себя Богом — партнером и победителем всесильной личностной “Природы”.

Иванов не нашей дорогой идет, он нашел дорогу Богу и по ней ступает от самого Адлера до самого Ленинграда не побоялся Природы ступить на землю своею босою ногою на снег. Я не убийца спустился на дно океана. Тогда когда мое имя признается всеми народами, что я иду по такой дороге, по которой идет один Бог. Он безвреден, а полезен в жизни. Ему, как человеку одному из всех нас доверено ходить по земле не так как ходят все люди одетые, накормленные и в доме отдыхающие. Люди от этого дела зависимые, умирающие. А Иванов независимый — ОН БОГ ПРИРОДЫ, ОН ЧЕЛОВЕК ЖИЗНИ, ОН СОХРАНИТЕЛЬ ВСЕМУ ДЕЛУ [55].

При этом Иванов часто формулировал свои теории, пользуясь христианскими терминами. На христианство постоянно ссылаются его последователи. Каким же было подлинное отношение Иванова к христианству?

Ученики Паршека заявляли, что считают его пришедшим на землю Богом Отцом. Вот как это убеждение сформулировано в их кратком изложении веры:

Все ждут Второе Пришествие: Бог явится с облака в золотых одеждах и в золотой короне. А он пришел из тюрьмы и больницы — и никакой красоты на Нем нет. <...> И вот пришел на землю Паршек — победитель природы, Учитель народа, Бог земли. Он Своим незащищенным телом, голый и босой, проложил новый небывалый путь в Природе. ГОСПОДЬ ЯВИЛСЯ ПОКАЗАТЬСЯ

ВО ПЛОТИ, как это было написано в предковых книгах. Действительно было так, что Сила Могущества вложилась в эту плоть, и Учитель родился от Самой Всемогущей природы: как она родила человека, так она родила Учителя. А потом посадила в эту плоть Дух Его — Единственный для Вселенной и для дела.

Дух же Его есть Начало и Конец. Он же родился в то время, когда творилась земля и небо — и до сих пор. “В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною. И Дух Божий носился над водами” (Кн. Бытия, гл. 1, ст. 1-2). Все творится по планам Всемогущей Матери Природы, которые Она построила миллиарды лет назад, где Она все указала без времени ничего не получится, а будет все так, как начертано всемогущей Природой.

Дважды Он во плоти был — дважды на землю пришел, и никто Его не признавал. И последний раз мы видели Его страдания, видели поношения, оскорбления и всякого рода на Него гонения. “Знаем, что держали Его в тюрьмах и в психбольницах — хотели Его так убить, как убили Его в первой жизни”. (Иванов П. К., Учитель — “Паршек”, 1980.) Бог Вечный явил Себя в лице Учителя. Люди жили рядом с Ним, но не могли понять, Кто Он есть! Сын в Лице был — это Иисус Христос, а Отец в Лице еще не был ни разу на земле. И теперь Он пришел — явил Себя в лице Учителя.

Настало время, что было сказано в веках и хранилось в Природе как Семя — ныне открывается для жизни. Природа много хранит в Себе тайны, а Учитель есть Сын Матери Природы. Он есть великая тайна о Человеке. Он — хранитель Истории и Он — судья ей [56].

Теперь мы приведем весьма характерный рассказ нашего героя:

5 декабря пришел в Сочи... Какой снег под мои ноги Природа для моего прихода положила на землю. Я шел по нему Дух Святой, меня от головы до ног он окружал. Люди меня толпой до самого городского пляжа проводили: “С гор пришел Господь Бог”. <...> Я заставил себя представить в двух бакинских церквях: в маленькую, где служил священник, я заходил не помолиться, как молятся все, стараются у Бога откупиться своими деньгами — я туда зашел хозяйничать. На середину встал один такой — как меня, такого первого человека, не пропустить в такое церковное место, где бывают все люди грешные? А праведник я был о д и н (выделено в оригинале. — А. Д.) перед всеми стоял без одежды. В это время тарелка с деньгами шла, на нее клали деньги грешники. А я, праведный, хотел ими воспользоваться. А сам староста, держатель этого дела, не разрешил правом воспользоваться. Мне так он сказал: “Эти деньги народные”. Я к народу обращаюсь: — Люди! Разрешите их забрать. Все молча простояли, ничего не сказали. Кроме мне приходилось таких людей оставить. И пойти в собор, где служил свою обедню на праздник рождения Христа 25 декабря епископ. Я — туда, меня хотели священники прибрать. Я встал на возвышенность от народа, на условие клироса, где певчие поют. Я сосредотачиваюсь по их молчанию чего-либо людям сказать. У меня было что им за этой обедней стоять и видеть перед собой истину: человека такого, как были все одетые — Иванов раздет стоял перед всеми. Он только сказал: — посмотрю, как будете любить Его, чему молитесь. Люди слышали и видели, как епископ поступил после первой обедни. Он хотел всех молящихся под крест, чтобы как это делается — подходи и целуй, деньги клади, сам уходи. Ибо епископ должен другую обедню людям служить. А я, Иванов, в эту тихую минуту сказал: — мои овцы! не выходите из храма, Я буду с вами говорить. Знаете, что епископ на все это сделал? — На Меня, как на сатану с крестом закричал; и своим подчиненным закричал, говорит: “Выведите Его, этого сатану, пусть нас не смущает!” [57]

Однако все не так просто: в писаниях самого Паршека мы наталкиваемся на ряд самых противоречивых высказываний на тему его соотношения с Лицами Пресвятой Троицы. В этих словах, наверное, явственнее всего проявляется болезненное душевное состояние Иванова, вызванное его манией величия. Иванов писал о Христе:

Приходил от Бога такой Сын Иисус Христос, которому давалось Природою бедным помогать. Он был по этой части воин, без всякого оружия Он вел за Собою бедных [58].

С одной стороны, Иванов утверждал, что он один является настоящим христианином, ибо открытый им закон, который он принес людям, и есть подлинный закон Христов:

Он [Христос] был против зависимости, а мы все его идею корежим; верить верили, а выполнять не выполняли. <...> Его [Христа] Идея устно жива между нами всеми. Она раньше жила и живет сейчас. И Христос был. Она жила, но никто ее не хотел продолжать. Это Правда, независимая сторона, которую люди все знали, что она нехорошая есть в жизни: плохая и холодная в живом человеческом теле. <...> Я не пришел верующих спасать лишь потому что они не виноватые за

свою веру такую, которая заставляет обманывать самих себя. Верующий крепко верит, но чтобы выполнять не хочет: тяжело. Какой же он верующий, если он не выполняет? [59]

Но при этом, с другой стороны, Иванов “естественно” не избежал и отождествления себя с Христом:

Моя Идея не Господняя, как другие думают, что когда-то Христос был. Он хотел у богатых отобрать, а бедных накормить. Это Его не увенчалось. А сейчас мною делается. <...> Я не пришел с того места, откуда люди Его [Христа] ждали. Меня мать родная через отца в Природе родила так, как и все рождались люди. Паршек пришел с Духом Святым, Его никто не имеет так у себя, как имел у себя Паршек [60].

Если Христос был Божиим Сыном, то и Иванов видел себя сыном всемогущей Природы, выразителем ее воли и единственным спасителем человека:

Никакой нет в Природе такой защиты, кроме Меня одной за Моего избранного сына Порфирия, которого люди называли Паршек. Я за Его любовь ко Мне, Я Ему верю и помогу во всем, везде и правильно, везде и всюду; чего он попросит, то Я Ему дам через любовь Его. Просите Его вы, все Он правильно между Мною и вами делает, войны не хочет, а хочет, чтобы все земные люди дали свое слово, чтобы между собой людям не воевать. Дело за Ним, Он ко Мне обратится, попросит Меня, а Я это сделаю. Люди обиженные Ему как Богу верят индивидуально, а получают реально. А когда просьба общая поступит к Паршеку Он сделает все в людях [61].

Подражая Христу, Иванов избрал из среды своих последователей 12 учеников:

Он уже собрал Своих все 12 учеников, куда входят 10 мужчин да две женщины. <...> Всего 12 учеников заслуженных таких, как Валя близкая она ко Мне. Мы их хорошо знаем, встречаем, говорим как со всеми. Но они этого не знают, что знаем мы про них. За это все мы молчим <...> в Природе нас таких двое: Я и Валя, да 12 учеников, тех людей, которых нам Природа избрала в Моей жизни [62].

Явление Иванова в заколдованном в невежестве мир просветило всех людей: “Он родился в Природе, научился как надо помогать другому человеку в его горе-беде. Мы все люди, до этого дела такого не видели” [63].

Похоже, что Иванов завидовал Христу за то, что Его почитают люди, и пытался доказать им, что он является тем же лицом:

В 1982 году приезжал Учитель в село Ореховку к своей родной сестре Анне. Вошли они в хату, а на стене висит Распятие. Учитель спрашивает: – Скажи, Аннушка, а что это у тебя? Сестра отвечает: “Да, Паша, это ж Распятие Христа!” Учитель говорит: — А может, это твой братец? Но сестра возразила: “Нет, что ты! Это же Христос, а не ты”. Учитель сказал: — Ну ладно. И положил Распятие на место. <...> Люди не знают, зачем Я пришел, зачем меня Природа такого родила уродом: отшельника Иисуса, самородка, Учителя... [64]

Иванов писал и о своей встрече с неким Никодимом, который пришел к нему узнать: “Ты ли Бог есть в жизни?” Он обличал книжников и фарисеев за то, что те второй раз готовят его распятие, но предрекал, что на сей раз он сможет его избежать при помощи двух женщин: Марии и Валентины. Иванов относил к себе христианские праздники:

Воскресенье, праздник Пасхи — это будет Учителев день, Он был распят на кресте. А сейчас Он ходит по земле, с нами на нашем языке разговаривает, говорит нам: — это обязательно будет! Все мертвецы придут в нашу жизнь, все это сделают люди [65].

Но, самое главное, Иванов освободил все человечество из плена смерти и указал дорогу к бессмертию:

Говорит Портрет (второе самоназвание Иванова — *А. Д.*): Я на это рожден: владею неумирающей жизнью. <...> Вот чего Он нам сделал: раскрыл жизнь, а смерть прогнал. <.. .> Бог со Своим стоит на очереди на это Он есть Бог во всех этих людях. Он пришел для спасения всего мира. Кто Моей Идее возразит, если она спасет все на земной коре человечество? Богу не нужна болезнь человека, Богу надо душу и сердце, а у человека это же самое есть. <.. .> Мы будем одного Учителя знать как Спасителя всего мира. <...> Мы не умеем этого человека, как Господа просить. А Он Сам к нам на землю пришел, чтобы смерть как таковую изгнать, а жизнь во славу ввести [66].

И горе тому, кто не примет учения Иванова:

Если заболит человек чем-нибудь в жизни не чем не спасешься, кроме как лишь Его [Иванова] учением. Кто Его не признает, тот спасения нигде не получит. <...> Он этому всем есть Бог земли, Хозяин Природы, Отец жизни. Ему известна Природа и в ней ее люди. Тот человек в Природе есть

кто не соглашается с Идеей Иванова, с Учителевой он является враг всего человечества в жизни. <...> А потом в людях такое явление есть, оно осталось прошлого Христа Его вера. Они ему очень крепко верят, а вот от них требуется выполнение. Они этого дела не делают, они не оправданные люди в этом, их Дух Святой не примет как таковых [67].

Иванов мечтал, чтобы его деятельность сопровождалась такими же чудесами, которые творил Христос. Он желал пройти по воде, как по суше, а также вознестись в небеса. Все эти свои пожелания он аккуратно записывает в дневник:

А перед мной еще не то стоит, а не бывалое. Я должен делать. Моя мысль летит, ведет больше от этого сделать: Я не ходил разувшись Я пошел, я не ходил по воде пойду, а в атмосфере полечу физически. Я это сделаю Сам. <... > А Земля покажет такой свой жизненный источник. Она больше не будет притягивать к себе тело человека. Закалка-тренировка это будет святое дело [68].

С удовлетворением Паршек помещает в свои дневники свидетельства учеников, видевших его шествующим по воздуху: “И когда Он [Иванов] шел, я смотрела Ему вслед и видела, что ноги у Учителя не касаются земли” [69]. Приводятся в дневниках и “свидетельства” о других, совсем уже потрясающих чудесах Иванова:

Вот Митчел (американский астронавт. — А. Д.) прислал Учителю благодарственное письмо с фотографией, где пишет как на Луне Он его спас когда гибель ему была там. Нашлись такие умники, которые похитили это фото остались только следы. Это спасибо Митчел прислал другое фото, но уже без подписи. А почему Гагарин погиб? Потому что не сказал истину. Эти примеры Учитель приводил властям, когда они сюда приезжали к Нему и они видели это письмо и фотографию. Учитель ему письмо написал, а Римма Григорьевна его отнесла, где было сказано Гагарину, чтоб он рассказал людям, кого он видел в небесных просторах. А он только в одном месте рассказал, в Куйбышеве на фабрике у слепых. И тут же ему запретили... Космонавты говорили, что Гагарин видел всяко: и такое, и такое; а самое главное Старик был такой-то и такой-то. Потом когда они узнали Его говорят: был Сам Учитель [70].

Но мысль Иванова не останавливалась на отождествлении себя с Христом. В его голове представления о Троице, которые запечатлелись в памяти еще со времени церковно-приходской школы, соседствовали с эволюционными идеями, а также с обрывками усвоенных им из агитпропа штампов:

Есть написано, мы с вами признаем Ветхий Завет. Когда он был, ему люди были такие, верили сохранялись за счет этого всего. Тогда человек верил Богу как Отцу. А Новый Завет выдвинул на арену Своего Сына Иисуса Христа или Будду, с чем и развивалась в человеке своя индивидуально-личностная собственность, которую сам народ не признавал и в жизни своей прогнал. А вот духа не ввел. Здоровое тело здоровый дух, это можно сказать по Истории: Бог-Отец это человек, Бог-Сын это вся сделанная техника, а Бог-дух чистое живое тело (самого Иванова. — А. Д.)... Человек в жизни своей всегда просил Бога как Отца Небесного, или Сына Его Иисуса Христа, чтобы им Он помог. Христос помогал и воровать и убивать. <...> Она [Природа] хотела у себя дожидаться три самых лица: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой. Самодержавие царя первого человека, а социализм это второй человек. Третий это будет ЭВОЛЮЦИЯ, здоровое тело здоровый в нем дух [71].

Свои особые соображения имелись у Иванова и о Святом Духе:

Мы как таковые видели Отца в жизни и Его дело, мы видели Сына, но не встречались с Духом Святым это будет для всех Богово дело. Оно вводится в жизнь не вредным для людей полезным. Люди будут Его знать. Идет предрешающая сторона небывалого характера эволюционная Бога Духа Святого. <...> Вот чего Паршек осознал Святого Духа Жизнь! Если бы не она, не Природа, Паршек ничего бы не знал. Все это Она сделала через Мою просьбу. <...> Отец с Сыном не получают вечной в Природе такой жизни. А Паршек этим огорожен, Он вечное место нашел, им воспользовался. <...> Конец пришел Отцу и сыну — их такое дело. А Духу Святому только есть первое начало — умелое эволюционное дело. <...> Три всего Лица находятся в жизни по истории Ветхого Завета, закона. Так сказано оно: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой. Два прошло, в жизни живут, а Третьего еще не видеть. Только оно начинается у Бога Духа СВЯТОГО, это Его НАЧАЛО — 25 апреля 1979 г. <...> Отец и сын в жизни своей без духа жили, им Природа не помогала, а мешала своим путем. А вслед за двумя идет эволюция Святого Духа, что заставит человека отказаться от всего этого. Она никогда не была на белом свете. Паршек взял на себя всю инициативу нашей жизни [72].

Но и этого мало. Иванов говорил о себе также и следующее: “А вот Портрет (Иванов. — А. Д.) один между нами такой кому надо поклониться. <...> Это Некто такой есть в жизни. Паршек есть в трех лицах: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой” [73]. Но и: “Я не Отец и не Сын, а Дух всего мира. Люди Меня признают, на всей земле об этом заговорят” [74]. Но при этом Иванов представляет себя как нашего пришедшего на землю Отца-Творца, Господа Бога, Спасителя всего мира всех людей в жизни их. <...> Я знаю о Нем, что Он есть Господь Бог всех царей, над всеми ими Управитель. Царь из царей Он царь. <...> ...Отец Всевышний... <...> Светило всей этой на земле жизни. <...>... Светило всего мира... <...>... Сияющее Солнышко... <...> Это есть Он истина одна из всех. Он есть Бог всей Вселенной, а мы не хотим понять о Нем [75].

Так кем же Иванов все-таки считал себя? Отцом? Сыном? Духом? Всеми вместе? Или никем из них — их господином? Кажется, он сам так и не уяснил для себя этого вопроса: его мании величия и непомерным завистливости и гордыне всего казалось мало.

6. “Вот-вот грянет гром, ударит молния она укажет Хозяина одного всей Природы, перед Кем будут отчитываться как нарушители закона”

Первобытный человек, по мысли Иванова, был независим от природы — не ел, не пил, не спал, не дышал. А грехопадение его именно в том и состояло, что он отказался от всего этого “богатства”, стал питаться, изготовил себе одежды, построил дом и “стал зависим”. Это и стало причиной его смерти. Виновницей же грехопадения первого человека, по мысли Иванова, была женщина, “второй человек”, которого “Природа” прислала ему непонятно откуда:

Природа прислала ему не то, что он ожидал увидеть: она прислала ему женщину. <...> Ему не на помощь пришла женщина, а на великое капризное зло. Женщина второй человек, она не училась у человека первого, кто захотел видеть в Природе женщину.

А грех, по мысли Иванова, вошел в мир через рождение у мужчины и женщины “маленечкого человека”, которого родители в независимости “воспитать не смогли и не знали что делать”:

Мы же с тобой жили, не теряли самих себя до тех пор пока не сделали полового сношения. Это наша и крепко большая в Природе есть ошибка. Мы для этого на смену родили человека не для жизни своей, а для нашей с тобою, двоих смерти: мы с тобою умрем через своих родных детей [76].

Из этого текста, помимо прочего, видно, что Иванов отождествлял себя и с Адамом.

Итак, потеряв свою “независимую жизнь”, человек стал смертен. Это его качество передалось по наследству и его потомкам, которые заселили всю землю:

Ева женщина. Она прислана Природой для того, чтобы Адам знал, а что есть в жизни, в Природе. Ему раскрыло все чрез похоть одну. Он окружился своим местом, это был рай. Он до этого сближения не употреблял ничего. А когда они родили детей, то им приходилось от этого места отрываться и своим местом овладеть кто чем. Тем, кто начал на своем таком месте, люди расположились со своим здоровьем по своим национальным языкам. Это было раньше [77].

Еврейский народ, по мысли Иванова, был столь же далек от первоначального замысла Природы, как и все остальные: “от зависимости они не ушли, как они Природе ни кланялись, как ни просили, ни умоляли Бога” [78]. Дарованный Богом Моисею закон Иванов решительно осуждает как несущий людям смерть:

Говорит Моисей в своих скрижалях написал вместо Господа Бога. Он Его видел один, без всякого, с братом Ароном. <...> А по Моисееву закону люди людей, один других за это новое поубивали. Остальные живые остались продолжать также в болезненной нужде. <...> Моисей представил неправду свою, которая сложилась в десять заповедей, которым надо будет верить. <...> Сам Моисей убил тысячу людей через свой новый закон он его написал [79].

Своеобразен и противоречив взгляд Иванова на Христа. В его словах о Христе неясно соотношение Бога и Природы. С одной стороны, он говорит: “Приходил от Бога такой Сын Иисус Христос”, а с другой:

Его природа прислала на эту землю Своими силами бунтовать. Он Своими притчами людей верующих в Него заставил с народом вместе мешать богатым воинам земли. Кто в это время, когда Христова история вводилась — люди воевали, отбирали друг у друга права. Землю пользовались, а животного растили — сами кушали, вино делали, рыцарствовали. Самое главное, с разбойниками, кто им мешал, они смело расправлялись на кресте. <...> Христос искал обиженного, того человека, кого Природа наказала, то есть убрала с жизни. Иисус Христос по этой части был болельщик, т. е. он был больной человек. Эти качества имел — ему давалось все в

чудесах с народом делать. Он им рассказывал за ту сторону, которая оставалась в народе правдой. Христос не играл своей ролью в Природе, а играла роль в этом деле Природа. Она силами распорядилась на земле Христа [80].

Впоследствии Сын Божий стал символизировать для Иванова социалистическую эпоху; более того, оказывается, что и распяли Христа за Его революционные, бунтовщические идеи. Сил и возможностей сопротивляться у Христа не было:

Всю ночь Иисус Христос к этому делу готовился, Он уповал на Отца Небесного, что Тот заступится и разгонит эту силу. Иисус Христос по закону займет место Свое. Этого ему было не поручено, чтобы Он осудил, не зная кого. Не этому надо было в Природе поучиться. А Христос, также как и военные люди, был зависим в Природе. Воины закона, у которых режимная сила побороться последняя, так сказали: “Люди здесь не виноваты, чтобы их мучить до смерти, а надо убрать одного Иисуса Христа”. Значит, у Христа не было силы природной приготовлено. Не учился у Природы Иисус Христос и ничего не делал, чтобы от Своего такого дела отказаться — которое перед людьми делалось Им. <..> А сейчас, после Его смерти на кресте, сами разбойники висели вместе на своих крестах. Один из них попросил прощения, другой не стал слова говорить. Поэтому техническая часть заставила людей в Природе одних жить хорошо, других — плохо. Как и делалось в Природе людьми, они хорошее и теплое восприняли и полюбили — сохраняют это дело, от которого никто из всех не желает уходить [81].

Но при этом Христос Свою крестную смерть принял вполне справедливо:

Этому делу прав окажется Иисус Христос или люди? Или те, кто вооруженный в Природе по режимным законам? Сильными и справедливыми окажутся те, у кого будет в руках оружие да хитрость в голове [82].

Преступление же Христа состояло в том, что... Он въехал в Иерусалим на осле:

Его взяли, делали следствие искали на Нем вину. От чего Он не отказался, а говорил: — Я Сын Человеческий пришел в народ любовь ввести. А Сам Христос посылал в люди живущие, у них отобрал животного — осла и на нем ехал в Иерусалим этот день праздновать. Осел родился не для того, чтобы люди на нем ездили верхом. Христос силен был по горам лазать, по волнам морским ходить. А вот от Природы не отказался — ехать на осле. Поэтому Его Идея и провалилась между тогдашними людьми [83].

О воскресении Христа Иванов ничего не пишет. Судя по всему, он ни в какое воскресение не верит:

Иисуса Христа умертвили мучительным образом на кресте. А потом сняли и положили в гроб, а гроб где-то делся. <...> Но по истории людей, верующих в Него, так они за последующее говорили: якобы Он воскрес из мертвых — вместе был с ними. <...> А по нашему пророчеству Иисус Христос должен за тех умерших пострадать и умереть на веки веков, чтобы люди знали за все прошедшее время [84].

Итак, для Иванова Христос остался мертвым навсегда, потому что до смерти оставался “вечно зависимым человеком”: “Все это время, в котором пришлось явиться к людям, которые провели два Завета никто не заслужил бессмертие” [85]. Пришествие Христа не смогло принести никаких изменений в человеческую жизнь и ограничилось лишь призывом к социальной справедливости:

Ни Моисеевские руки, ни Иисуса Христа слова ни от кого не произошло в Природе такого, чтобы всем живущим жилось на всей земле хорошо. <...> Все люди за это дело боролись: и Моисей, и Иисус Христос. А как Природа не захотела у себя такого духа слышать — так по ей все и определилось. У нея силы в этом деле [86].

Смысл же пришествия Христа был прежде всего в том, чтобы приготовить человечество к грядущему явлению “Учителя” Иванова:

Он [Христос] людям не сказал, когда то время придет, в котором Человек с Востока придет и начнет людям рассказывать, писать, практически делать то, чего надо всем. Он говорил за это время, из времен одно время: тогда оно придет на землю, когда эти церкви запустеют и все цари, все богатства от человека отпадут. Иисус показал на великую Мать, Он назвал человека выше Себя Отцом Богом, Кто будет это дело знать. Ему это все порученное хорошо Сам сделает для всех [87].

Однако несмотря на то, что Христу не удалось воскреснуть, воскресение в принципе было возможным:

Он в одно время бедного умершего Лазаря, брата богача, воскресил — он умер от голода. Это силы не Иисуса Христа — самого народа, кто хотел жить, а не хотел умереть [88].

Но поскольку выражением силы народной является сам Иванов, то “Паршек поднимет всех мертвых, а живых не пустит в землю” [89].

Вот-вот грянет гром, ударит молния она укажет Хозяина одного всей Природы, перед Кем будут отчитываться как нарушители закона. Он у них спросит: — Что вы делали до этого? Вы видели Его, а Он был наг и голоден. Он у вас просил, а вы Ему не дали. Он тогда скажет Свое слово веское перед всеми: Уйдите от Меня, все неверующие в Меня! А придите те, кто сохранил Мое лично тело. А их очень немного. Кто не знал Меня — Я ему прощу. <...> Он говорит: — и солнце потухнет и не будет сиять тихо. Люди поймут, что это будет Он и все повернут на это все умы и скажут в один голос: “За все наше сделанное прости!” Бог будет судить нас всех, пусть уже верующих: это дело не простится. <.. > А вот Портрет (Иванов. — А. Д.) один между нами такой, кому надо поклониться. У Него мысль такая своя: сделаться человеком в людях полным. Всех живых и мертвых поднять людей на ноги, у них спросить: для чего они это дело начинали делать и не доделали свое дело — взяли и умерли? <...> Эти люди лежат и ждут Мое имя для того, чтобы их всех оттудова поднять, но и заставить их всех до единого за свое, ими сделанное, отвечать. <...> Я приду Сам, подниму всех, как умерших — воскрешу из мертвых в живые. Когда люди Меня признают и назовут Богом — вот тогда-то Я вас попрогоняю всех и скажу вам: — отойдите от Меня и сотворите такое в жизни свое благо. Я полюбил все на свете, самое главное — это надо любить Природу: воздух, воду и землю, а между этим всем — людей [90]

При этом Иванов был абсолютно уверен в собственном бессмертии:

Милые Мои вы все люди, лежащие в своих могилах, в своем прахе! Вы нас к себе тащите, вы нам чуть вслух не скажете: “У вас там на белом свете родился человек, Он Учитель народа, Он Победитель Природы, не боится даже Своей смерти”. Он умереть не будет, Он Бог земли, против тюрем и больниц. Он хочет обратно вернуть нас в жизнь свою. <...> А вот когда Бог об этом стал мыслить Его в этом привело жить плохо и холодно. Он так и поступил: Он хуже от всех живет, Ему холодней всех. Меня хранит Природа, Я уверен, что Я не буду умереть. Посмотрите на Мое бронзовое тело — Ему надо в Природе плохое и холодное, чем оно базируется. Это Моя сторона рожденная. Поверьте Моей жизни, Моему труду! <...> Паршек Имя Свое займет бессмертного человека. <...> Иванов не собирается с этими силами так жить, как жили все наши люди, кому пришлось не жить, а умереть. Этого Иванов не получит от Природы. Он получит жизнь от Природы, а смерть прогонит от себя. <...> Это не поступок вежливости и не уход за собою, чтобы сердце выходить молодое, здоровое, закаленное — 25 лет человека. Я его выходил, теперь оно у Меня независимое: не боится оно врага, не страшится ничего — даже своей смерти, ея не будет. <...> Бог докажет своею правотою: умирать Он не будет через Природу, через свое дело в ней. <...> Бог жил, Бог живет, будет Бог жить (до боли знакомые строки. — А. Д.), а люди будут умереть как оне умерали из-за одного незнания. Они Меня не понимают и не хотят признавать [91].

В собственном бессмертии были уверены и ближайшие ученики Иванова. Говорил он и о бессмертии своей второй жены Валентины Сухаревской, которую иногда также называл Богом [92]. О посмертной участи человека Иванов ничего не писал. По всей видимости, как “последовательный материалист”, он в нее не верил, главное было достичь вечной жизни на земле. Но, увы, скончались и все те, кому “Учитель” через “Природу” обещал бессмертие. Справедливости ради надо сказать, что в смертях своих учеников Иванов винил только их самих:

Учитель когда в Москве — хорошо, а когда он уезжает — люди умирают. Так скажи, почему люди не просили Учителя, чтобы остался? Видели, что хорошо стало, то зачем Учитель?! А когда Учитель уехал, то и смерть там. Так скажи всем: Учитель не виноват, надо просить, чтобы он не уезжал [93]

Но остается резонный вопрос: кого же надо винить в смерти самого Иванова?

7. “Учителево тело есть красота из красот. Оно пахнет ароматом, оно освещенное. Я со Своим запахом всем был в этом нужен”

Когда ивановцы говорят о своей вере, они часто ссылаются на то, что Иванов учил только хорошему и что душа его была полна жертвенной любовью, смирением, кротостью, покаянием, радостью, миром, долготерпением, милосердием, необычайной скромностью, сдержанностью и добротой, — то есть он, по их мнению, явил в себе все нравственные идеалы христианства. Иванов, естественно, был согласен с такой оценкой своей личности, о чем неоднократно писал в своих сочинениях. Однако факты его жизни не соответствуют такому его благостному образу:

Председатель сельсовета на Паршека с кулаками набросился, хотел Паршека ударить. Ему сказал Паршек: это хорошо тебе будет, а когда Я тебя ударю, то плохо тебе будет. Он за это смертью потерпел. <...> [свидетельство В. Л. Сухаревской] Учитель так разошелся, бегаёт, кричит на них [на милицию, районное и областное начальство]: все вы поумераете! И говорит Чернову: а ты первый помрешь! А Бабушкин берет Библию, показывает: “Вот тут написано...” Учитель как закричит: раз написано, такты и выполняй! А ты что?! И стал бегать по залу взад и вперед, огромный, большой я никогда таким Его не видела [94].

А вот что Иванов говорит на суде людям, обвинявшим его в вымогательстве:

...Убьют вас люди за Мою идею, что она была гонимая. Этого вы права не получите от Природы, а вас осудит народ, когда узнают за провакацию Сухаревского; умрет судья, умрет юрист и умрет Сухаревский со своими свидетелями, которых он привел в защиту неправды [95].

С необычайной “скромностью” “Учителя” мы уже имели возможность познакомиться; приведем еще несколько характерных цитат: “Посмотрите на Его [Иванова] такой образ: Он похож Своим телом на САВАОФА на самое высокое Лицо” [96]. Иванов не мог налюбоваться на самого себя: “Учительское тело есть красота из красот. <...> Оно пахнет ароматом, оно освещенное. Я со Своим запахом всем был в этом нужен” [97].

Естественно, Иванов ощущал неадекватность собственного положения по отношению к своему великому призванию:

Только утро настает, ясно солнышко встает, а у Меня рождаются слова, как у какого-то короля. Когда-то король своим слугам приказывал, чтобы ему в один миг был приготовлен завтрак. Король это Учитель. Об этом всем слышали и знали Мои люди, их удивляло это, но все знающие промолчали, как воды в рот набрали. Учителя сделали своим королем сами люди. Он не смог от этого уйти, чтобы отказаться от этого места Природы. Природа захотела, чтобы наш дорогой Учитель Своё имя на имя “Король” переименовал [98].

Обратите внимание: не сам скромный “Учитель” захотел называться королем, а лишь природа захотела.

Любопытен и взгляд Иванова на цель существования человека:

ХОЛОД ЭТО НАША ЕСТЬ ЖИЗНЬ. <...> Надо сознательно искать холодное и плохое и им огородиться. Вот тогда-то и будут силы твои, ты будешь Победитель Природы и Учитель народа учить не богатству, а бедности, сознанию к холоду и плохому. <.. .> Как хорошее и теплое умирало, так умирает и будет умирать до тех пор, пока не возьмутся люди за врага и не дадут ему сокрушительный отпор. Это сделает все холодное и плохое [99].

Когда зимой люди спрашивали у раздетого Иванова, холодно ли ему, он отвечал всегда одинаково: “Мне холоднее в сто раз более, чем было бы всем вам”. Этот ответ дает представление о сущности духа, мучившего и терзавшего Иванова и лишившего его ума. Вспомним и поистине сатанинскую гордыню Паршека, и цитировавшиеся выше его призывы к холодному и плохому, которые должны дать человеку вечную жизнь на этой земле. Но именно это и обещал искуситель праматери рода человеческого — *не умрете... но будете как боги* (Быт. 3:4-5).

8. “я Победитель природы Учитель народа и Бог земли. Бог отец Бог сын и Дух святой”

С течением времени культ Иванова все более приобретал черты религиозной практики со своей обрядностью и гимнографией. В конце жизни Иванова люди обращались к нему с просьбами освятить их дом или пищу. Многие говорили о том, что, прикасаясь к хлебу, он освящает его собой, и старались есть хлеб, побывавший в его руках. Такое же отношение было у ивановцев к крещению: “А мы не крестимся, мы крещенные нашим дорогим Учителем — перекрещенные” [100]

Ивановцы пишут: “Паршек создал небывалый гимн жизни, который звучит по всему миру” [101]. Он поется на мотив “Марсельезы”:

*Люди Господу верили как Богу,
А Он Сам к нам на Землю пришел.
Смерть как таковую изгонит.
А жизнь во славу введет. (2 раза)
Где люди возьмутся на этом Бугре,
Они громко скажут слово.
Это есть наше райское место,
Человеку слава бессмертна. (2 раза) [102]*

Гимн повторяется дважды. Этот “великий гимн”, имеющий чрезвычайно важное значение для ивановцев, их главный культовый текст, комментируется его создателем так: “Человеку слава бессмертна. Кому? да Паршеку. <...> Паршек поет его [гимн] ежеминутно да каждый час. <...> Мы этот гимн должны выучить наизусть, чтобы знать все” [103]. А вот что пишут о нем ивановцы:

Гимн — это оберег. В любой религии существует такой прием, как заклинания, которые оберегают человека от “отрицательных сил”. В христианстве, например, такими заклинаниями являются молитвы “Отче наш” и “Богородица”. Это обереги (из доклада ивановца А. Захарова) [104].

К гимну Ивановым был написан текст “Победа моя”, который его ученики считают чрезвычайно значимым. Текст был создан в казанской психбольнице; в написании его Иванову помог лежащий там вместе с ним некий директор школы. “Победа моя” много раз приводится в сочинениях Иванова, всякий раз в несколько иных редакциях. Вот одна из этих редакций, в которой полностью сохранено правописание Иванова:

По делу своему я само родок. Я тружус на благо всего народа, учус в природе, хвалюс перед миром. Истено хочу сказат за само хранение лично клетки. Мое сердце Молодое заколенное здоровое 25 лет человека Мой выход усвете. Я не бо-юс врага ни какого даже не боюс своей смерти. Если бы этого не было я бы давно умер. Я человек земли дышу очен крепко, реско говорю не про какое либо чудо. А про природу про физическою про практику самое главное это чистый воздух, вдох и выдох, снежное пробуждение Мгновенное выздоровление. Нервное части мозга Я люблю болного ценю храню его знаю душу и его сердце. Хочу ему по-моч как нуждающему через руки током убиваю бол Это нам не слова говорят а все делается делом. Рука пишет она Владыка ни когда про это не забыт, очен справедливое. Меня надо просит будеш в этом здоровый. Кому это будет не надо нашему юноше молодому дак нет уважаемой. Это мировое значение. Нам надо любит мать природу ей ниско кланятся Это правда ест очем говорит не болезн на человеке играет рол а играет ролю человек над болезнию. Нам надо учиться в Иванова чтобы не попадат в тюрьму и не ложится в болницу. Не лест на рожно жит свободно какая будет нам слава если мы будем обходится с людьми вежливо. Головку ниско кланится им говорит: Здравствуйте дедушка и бабушка да дядя с тетей и молодой человек. Эх и жизн моя тяжелая сердца свои закалите. Милой мои вы люди вы глянте на солнышко вы увидите правду свое выздоровление быт таким как я Победител природы Учитель народа и Бог земли. Бог отец Бог сын и Дух святой [105].

Три текста (“Гимн жизни”, “Победа моя” и “Детка”) выделялись Ивановым из всего его творчества и назывались им “оставленными для людей тремя живыми атомами”.

К многочисленным рассказам об аскетических подвигах Иванова (например, стодневном “терпении” без воды и пищи) следует относиться с осторожностью, потому что даже из его дневников видно, что в ходе своего “терпения” Иванов мог и арбуз умять, и “хорошо покушать”. Так что постился он также весьма своеобразно.

Дополняют “Детку” многие другие указания Иванова, сколь эзотеричные, столь же и невыполнимые. Например, он говорил, что не умрет лишь тот, кто никогда не садится и не ложится, что человек должен отказаться от сна, а уж если спит, то всенепременнейше с закрытой форточкой. В “Детке” имеется совет никогда ничего не “выплевывать из себя”, а все проглатывать, потому что плевание “вызывает ослабление и ведет к смерти”. Однако, судя по тетрадям Иванова, под “плеванием” подразумеваются вообще любые телесные выделения человека. Возникает естественный вопрос, который можно даже и не формулировать.

Имеются свидетельства и о том, что Иванов каким-то образом “крестил” своих последователей.

Ивановцы совершают паломничества на родину своего учителя — хутор Верхний Кондрючий (как мы помним, сам Иванов называл его “Боги”). Особенно многочисленными паломничества становятся весной, так как 25 апреля празднуют “День Идеи Учителя”. На хуторе находится “Дом здоровья”, построенный Ивановым в 1971 г. “для всех людей”. Для празднования завершения строительства “Дома” трезвенник Иванов с Сухаревской приготовили 200 литров самогона, которым они поили всех. Сейчас ивановцы относятся к “Дому здоровья”, как к религиозному храму.

В окрестностях хутора находится Чувилкин бугор, который в свое время отец Порфирия в шутку завещал своему сыну. Иванов и его ученики придают этому бугру чрезвычайно важное значение:

Нет на белом свете такого места, как этот Чувилкин бугор! Он является общим достоянием всего мира всех людей. Мы через этот бугор сделаемся родные вечно живущие друзья. <...> Это

место друг Вселенной, оно неумераемое никогда, никак. <...> ...Упали, ей так мы поклонились, этой горе.<...> Мы поклонились бугру, он нас освятил своею славою, своим взором; наше это место в Природе оно освещенное нами. Мы вдаль смотрели, как на какое-то чудо. Наш бугор не отказал нам, чтобы мы на нем свои силы брали, эта истина нас окружила, она с нами и осталась. <...> От самого Адама начало его [бугра] жизни. Его земля никем не занятая от Адама лет: травую заросла, цветами цветет, дела никакого: воздух, вода, да земля. Азот, Ток, Электричество неумираемое существо со всеми такими условиями. <...> На земле адамовского времени место, Чувилкин бугор. Он нами пятиконечностью будет окружен. Это истина человеческой жизни, это место будет наше, мы его займем не сейчас, а позже [106].

Более того, для Иванова именно Чувилкин бугор является раем: “Рай — это не гора та, на который был Христос распят. Это Чувилкин бугор, где Своими ножками прошелся наш Господь” [107].

В 1974 г. к Иванову приехала беременная женщина за благословением на аборт. Он же, посоветовавшись с “Природой”, приказал ей родить ребенка для себя при коллективном участии всех ивановцев, чтобы ребенок появился на свет новым “аутотропным человеком”, абсолютно лишенным всяких потребностей. Этот мальчик, по мысли Иванова, должен был стать долгожданным Мессией всего человечества:

Чувилкин бугор одно из всех мест такое, где должен родиться Мессия; это поеврейски сказано, а по-русски Бог. Я этот Чувилкин бугор не Сам это место изыскал, а отец Мой родной это место преподнес, по наследству оставил. Он жил бедно, а . Паршеку требовалось место жизни. У Корнея спрашивали люди: “Куда будешь девать Паршека?” Он всем говорил, указывал на Чувилкин бугор. <...> И это было в 1975 году, когда исполнилось шесть тысяч лет этой жизни. В этом периоде времени Учитель родил Сына и сразу становится Отцом: Победитель Природы, Учитель народа, Бог земли... Бог рождает Сыну тело с определенным характером, ибо Сын был во веки веков всегда. И Он уже был на земле в лице Иисуса Христа. Бог-Отец, Творец неба и земли родил Сына, Который будет Царь во веки, будет Господь господствующих [108].

Итак, этот мальчик должен был стать первым бессмертным человеком, которому не нужно будет еды, потому что он будет питаться воздушной энергией. Последовательницу привели туда, она стала рожать, а вокруг нее ивановцы во главе со своим “Учителем” усиленно ожидали чуда. Однако нагрянула милиция, роженицу забрали в родильный дом, и родила она не мальчика, а девочку. Если бы родился “бессмертный человек”, его нужно было бы отнять от груди и он питался бы исключительно “белой энергией” от земли и воздуха, а от него уже все ивановцы питались бы этой энергией и стали бы аутотропными людьми, к тому же и бессмертными. Но когда родилась девочка, “ивановцы” пустили в ход легенду о том, что мальчика похитили в роддоме и подменили девочкой, но он где-то растет, прячется в пещерах, а когда вырастет, то выйдет, скажет свое веское слово; тогда-то все и будет хорошо. В заключение приведем один из призывов Иванова, опубликованный его учениками в тех же самых номерах журнала “Наука и религия” (№№2,3), которые упоминались в начале главы:

ПРОСИ МЕНЯ как УЧИТЕЛЯ. Проси Меня, а не Природу — вы перед ней не заслужили. Я заслужил перед Природой и выпросил у нее эти силы для того, чтобы помогать обиженному, больному, нуждающемуся человеку. Она Меня ими одарила. Лишь бы с душой и сердцем просил, все будет. Учитель про это не забывает и не забудет. Скоро на земле наступят такие времена, когда каждый шаг только со мной. А сейчас пришел человек с делом истины, он заслужил, его называли Бог, его просят, а он им во всем помогает — вот это есть наших людей Бог. А Бог не тот, которого не видели, а держали в своем уме, крепко просили, чтобы получить нужное, в жизни этого не было. Люди две тысячи годов проходили, но их вера не оправдалась. Одни люди не верят богу, другие крепко верят, но разницы между ними нет — никто не выполняет. Лучше уж совсем не верить, чем так верить...

История старого покроя заканчивается, сейчас перед всеми истина раскрывается на живом факте, эволюция, сознание определяет бытие. А люди все сделают, конца и края нет практическому учению.

Мое обязательно признается, потому что Мое — это всем людям надо иметь: это жизнь бессмертная! Если Мое только не подойдет, то ничье не подойдет! Хоть как хотите поступайте, но дорога одна к Двухтысячелетию! Сменится в Природе жизненный поток, через одно это независимое дело человек завоюет бессмертие.

Секта ивановцев — одна из наиболее распространенных и быстрорастущих в нашей стране. “Методику Иванова” рекомендуют различные народные целители и “экстрасенсы”, о ней высоко отзывались, например, Виссарион, Береславский и автор “Анастасии” В. Мегре. Но, к сожалению, и многие весьма добросовестные люди считают, что ивановство — не более чем один из методов народной медицины, основанный на закаливании и здоровом образе жизни, и не подозревают о его религиозной сущности. Как уже говорилось в начале этой главы, именно в этом и заключена главная опасность ивановства. На самом деле, учение Иванова — дремучее язычество, основанное на обожествлении “духов природы” и поклонении им, примитивный оккультизм и доморощенный шаманизм. Основанная несомненно больным и столь же несомненно одержимым человеком, секта ивановцев, как мы видели, несет в себе мощный антихристианский, антигуманный и античеловеческий заряд, характеризуется полным отказом от христианства. Сектанты обожествляют своего “Учителя”, ставят свою жизнь по Иванову гораздо выше Евангелия и при этом резко отрицательно относятся к Православной Церкви и православной вере. Это наша “родная” постсоветская секта, порожденная уродливым советским атеизмом, но тем не менее она полностью вписывается в парадигмы международного неоязыческого движения “Ньюэйдж”.

Материал взят с сайта Екатеринбургского храма в Балашихе

[1] По рассказам очевидцев, Сара Назарбаева активно способствует распространению ивановства через гооструктуры Казахстана.

[2] *Разоренов Ф.* Выступление на конференции в Набережных Челнах // Истоки. 1996. № 1 (2). С. 27-30.

[3] Иванов П. К. Труды. М., 1992. С. 16.

[4] *Диакон Андрей Кураев.* Оккультизм в Православии. М., 1998. С. 138.

[5] Так называл себя Порфирий Иванов.

[6] *Иванов П. К.* Труды. Предисловие. С. 9.

[7] Там же. С12-13.

[8] История Паршека. Т. 1. С. 114.

[9] Любовь к азартным карточным играм Иванов пронес через всю жизнь: уже в старости, будучи “Учителем”, он буквально заставлял своих последователей -резаться” с ним на деньги в очко и буру. См.: Истоки: народный журнал о системе природного оздоровления Учителя Иванова. С. Ореховка. 1997. №1(4). С. 60-61.

[10] История Паршека.Т.1.С.69-70.

[11] Там же. С 75.

[12] Там же. С 82,84.

[13] См., напр.: История Паршека. Т. 1.С. 85.

[14] Там же. С 98.

[15] Там же. С. 98-99,106.

[16] Там же. С. 114.

[17] Там же. С106.

[18] Там же.

[19] Там же. С107.

[20] Там же. С. 114.

[21] Там же. С. 234.

[22] Там же. С110,117-119.

[23] Там же. С. 118.

[24] Там же. С. 106.

[25] Там же. С. 128.

[26] Там же. С. 253-254.

[27] Там же. С. 209.

[28] Там же. С. 209-210.

[29] Там же. С. 213.

[30] Там же. С 224.

[31] Там же.

[32] Там же. С. 226.

[33] Там же. С. 226; Т. 2. С. 76.

[34] Там же. Т. 1. С. 226-227.

[35] Истоки. 1997. № 1(4). С 58.

[36] История Паршека. Т. 2. С. 179.

[37] Там же. С. 67.

[38] Там же. Т. 1.С. 232.

[39] Там же. Т. 1. С. 354,358; Т. 2. С. 234.

[40] Там же. Т. 2. С. 196.

[41] Там же. С. 285-286,320-321.

- [42] Там же. С. 220.
- [43] Там же. С. 77.
- [44] Там же. Т. 1.С. 527.
- [45] *Казновский П.* Учение Учителя Иванова. Вып. 5. М., 1997.
- [46] История Паршека.Т. 1. С. 533.
- [47] Там же. Т. 2. С. 184.
- [48] Там же. Т. 1.С. 380.
- [49] Там же. Т. 2. С. 297.
- [50] Там же. С. 237-239,310.
- [51] Там же. С. 323. Предыдущие “пророчества” см.: С. 252-253,224,237,254,259,239 и т. д.
- [52] Там же. Т. 1. С. 456.
- [53] Там же.
- [54] Там же. С. 483.
- [55] Там же. С. 236.
- [56] Там же. С. 18-19.
- [57] Там же. С. 233-234.
- [58] Там же. Т. 2. С. 40.
- [59] Там же. Т. 1. С. 306,471,527.
- [60] Там же. Т. 2. С. 25,253.
- [61] Там же. С. 307.
- [62] Там же. С. 219-220,263.
- [63] Там же. С. 235.
- [64] Там же. Т. 1. С. 17,306.
- [65] Там же. Т. 2. С. 96.
- [66] Там же. С. 13,122,154,211,308.
- [67] Там же. С.19,89,286.
- [68] Там же. С.186,276-277.
- [69] Там же. С. 237.
- [70] Там же. С. 56.
- [71] Там же. Т. 1. С. 247; Т. 2. С. 155.
- [72] Там же. Т. 2. С. 164; Т. 1. С. 25; Т. 2. С. 240-241,232,316.
- [73] Там же. Т. 2. С. 9,260.
- [74] Там же. С. 164.
- [75] Там же. Т. 2. С. 203,209,231,89; Т. 1. С. 354; Т. 2. С.150,84. Т. 1/С. 23.
- [76] Эта и предыдущая цитаты: Там же. Т. 1. С. 393-394.
- [77] Там же. С.183-184.
- [78] Там же. С. 403.
- [79] Там же. С. 403-404,504.
- [80] Там же. С. 469-470,404.
- [81] Там же. С. 406-408.
- [82] Там же. С. 405.
- [83] Там же. С. 470.
- [84] Там же. С. 406,470,406.
- [85] Там же. С. 408.
- [86] Там же. С. 407,408.
- [87] Там же. С. 406.
- [88] Там же. Т. 2. С. 41.
- [89] Там же. С. 295.
- [90] Там же. Т. 2. С. 295; Т. 1. С. 17; Т. 2. С. 26,9,116,178.
- [91] Там же. Т. 2. С. 37; Т. 1. С. 234; Т. 2. С. 7,23; Т. 1. С. 529.
- [92] Там же. Т. 2. С. 209.
- [93] Там же. Т. 1.С. 521.
- [94] Там же. Т. 2. С. 240-241,309.
- [95] Там же. С. 319.
- [96] Там же. Т. 1.С. 507.
- [97] Там же. Т. 2. С. 62,243.
- [98] Там же. С. 163.
- [99] Там же. Т. 2. С.152; Т. 1. С. 342,244.
- [100] Истоки. 1997. № 1 (4). С. 39.
- [101] История Паршека, Т. 2. С. 226.
- [102] Там же. С. 231,235,259 и сл.
- [103] Там же. С. 259,231,235.
- [104] Учение Учителя Порфирия Иванова (Размышление об учителе, его идее и практике следования его советам)
- // Сборник статей. Вып. 1. СПб., 1996. С. 41.
- [105] История Паршека. Т. 1. С. 404-407.
- [106] Там же. Т. 2. С. 101,43,216,219,82,100,203.
- [107] Там же. С. 238.
- [108] Там же. С. 99,113.